

ВОЗВРАЩАЮСЬ, ЗАБУДЬТЕ!

Монодрама

Действие происходит в вагоне поезда. Проход перед купе. Доносится привычный для вокзала шум. Поезд вот-вот тронется. Невнятный голос за кулисами постепенно становится более четким: «Это какое купе?», «Дайте пройти, молодой человек!», «Мадам, позвольте...» и т. д. Кто-то проталкивает в купе огромный чемодан, который застревает в дверях. Слышится: «Будьте добры, и этот поддержите... и этот чемодан тоже... а вы подтолкните...». После слова «подтолкните» чемодан целиком пропихивается в купе, за ним – А н н а. Одета со вкусом, на каблуках, модно причесана. Но из-за возни с чемоданом лоск слегка потускнел. Очутившись в купе, несколько секунд оглядывается, изучая обстановку. Отряхивается, быстренько приводит в порядок прическу, широко улыбается.

АННА. Здравствуйте! *(С этой минуты общается с двумя воображаемыми «партнерами»: «молодым мужчиной» и «пожилой женщиной». «Мужчина» якобы находится в видной части купе, «женщина» – напротив, то есть в зале.)* Это четвертое купе? *(Как бы получив утвердительный ответ, довольным тоном.)* Отлично! Еле успела, думала, опоздаю. *(Обойдя чемодан, идет вперед.)* Я вечно опаздываю, но только на поезд и самолет. На пароход ни разу не опоздала. Правда, ни разу не была на пароходе, но уверена, что на пароход бы не опоздала... *(Улыбается еще шире.)* Простите, я не представилась... *(Ее внимание привлекает доносящийся снаружи шум. Подходит к двери, забирает у кого-то средних размеров чемодан, кладет на большой, потом – большую дорожную сумку, потом – чуть поменьше, в конце – женскую сумочку. Все это кое-как держится друг на друге.)* Спасибо. *(Поезд трогается. Сумка, лежащая поверх других, грозит упасть, но Анна успевает подхватить ее и вновь возвращается к двери. Держа в одной руке сумку, другой достает из-за двери огромную алую шляпную коробку. Смотрит то на гору вещей, то на сумочку и коробку, то на попутчиков. Пауза затягивается. Глядя на «женщину».)* Знаете, мне никогда не удастся путешествовать налегке. Не получается. За два часа до отъезда я в буквальном смысле укладываю один

чемодан. Ума не приложу, откуда за эти два часа берутся остальные чемоданы. *(Неожиданно обернувшись к «молодому человеку», укоризненно.)* Молодой человек, я беседую с дамой и жду, когда вы предложите свою помощь. *(«Женщине».)* Должна вам сказать, что на сей раз моя поездка – совершенно особая история. *(«Молодому человеку».)* Вы что-то сказали? *(Посерьезнев.)* Извините, но мне показалось, что вам будет неловко, если я проигнорирую вас, и сама все это... Что? Вы позволяете, чтобы я сама... *(«Женщине».)* Вы знаете, в чем разница между современным мужчиной и пещерным дикарем? Эти увивают от нас, предварительно извинившись, а те просто хватались за подвернувшийся под руку камень... *(«Молодому человеку» со слащавым ехидством.)* Вы чрезвычайно любезны, я не нуждаюсь в вашей помощи. *(Кладет сумочку и шляпную коробку рядом с ним, остальную поклажу перетаскивает на его сиденье, и туда же подталкивает большой чемодан. Должно создаться впечатление, что «молодой человек» с обеих сторон зажат ее багажом.)* Надеюсь, я вас не потеснила? Что?.. А куда мне девать? Нет, я не хочу причинять неудобства даме, у нее у самой полно вещей. Откуда мне известно? Молодой человек, вы когда-нибудь видели женщину, которая бы путешествовала с одной сумкой? Вот и я не видела. Но и в поездах, и в самолетах насмотрелась на несметное количество мужчин с пустыми руками. *(«Женщине».)* Про пароходы ничего сказать не могу... *(«Молодому человеку».)* Что вы предлагаете?.. Нет, не могу... *(Заметив на стене какой-то крюк.)* Сейчас, потерпите, пожалуйста. *(Не умолкая, пытается приспособить коробку на крюк, находящийся над головой «молодого человека».)* Вот сейчас повешу коробку... Что?.. боитесь, что свалится вам на голову? Напрасно... Ах, я встала вам на колени... А что я могу поделаться, сами следите за своими ногами... Ой, задела локтем... а глаза вам не повредила?.. Ну и слава богу, продолжайте испуганно пялиться на меня обеими глазами. Голову уберите... и плечи... вот так. *(Наконец пристраивает коробку на крючок, обходит. Коробка тут же падает на голову «молодого человека».)* Осторожно!... *(Поднимает коробку, заглядывает в нее, облегченно вздыхает.)* Повезло, не повредила... *(Пытается снова повесить коробку, но «молодой человек» протестует.)* Почему это нельзя?.. В первый раз упала, во второй не упадет. Если даже упадет, что тут такого? *(«Молодой человек» категорически против.*

Она, смирившись.) Я всего лишь хочу высвободить вам место. Но если вы против... (Отходит, но задевает большой чемодан, который грохается прямо на ноги «молодому человеку».) Осторожно, мой чемодан!.. сломали ногу? Ах, чуть не сломали! Но все же обошлось!.. Тогда из-за чего весь сыр-бор, ну случилось и случилось! Что, хотите выйти? Но куда?... (Мимикой и жестами дает понять, что «молодой человек» пытается выйти.) Подождите, я помогу вам выбраться... (Пытается переложить большую сумку на столик, но намеренно роняет ее.) Ой, извините, ваши колени целы?... а... (Жестом намекая на мужское достоинство «молодого человека».) Там все в порядке? Вы уверены? Прошу вас... прошу вас... (Прижимается к столику, взглядом провожая «молодого человека», который выходит из купе.) Я же говорила, у него всего один кейс с собой. (Дверь купе с грохотом захлопывается. Анна крепко зажмуривается, потом приоткрывает один глаз, затем – другой. Одобрительно.) Исчез. (Сразу меняется. Другой тон, другие манеры. Быстренько раскладывает вещи вокруг себя, вешает сумочку на крючок, садится напротив «женщины», лицом к залу.) Извините за этот спектакль. (Косо взглянув на дверь.) По нему сразу видно, что от него помощи не дождешься, а высидеть с ним рядом несколько часов было бы выше моих сил... (Тревожно.) Надеюсь, он не с вами. Нет?.. Слава богу. Давайте знакомиться, я – Анна. Просто Анна. Как?.. Очень приятно. Мадам?.. Тем более. Куда вы едете? А-а... нет, я дальше, совсем далеко... в Ереван. В Армению. Не слышали? Маленькая страна, могли и не знать. А про Хачатуряна слышали?.. Про Арама... Да, «Танец с саблями». Наверное, весь мир знает нас по этому танцу. Нет, мы не воинственны. Если бы... Другие с саблями воюют, а мы танцуем. Танцующий народ?... В меру... В меру танцуем, в меру поем... Без меры болтаем. Вроде меня. Но больше не буду надоедать вам... Вы очень добры... (Улыбается. Молчит. Пауза затягивается. Поезд трогается. Смотрит в окно. Задумчиво, вполголоса.) Вот и расстались, села в поезд... будто и не было ничего: ни Италии, ни Рима, ни того дома, в котором прожила больше года. Ни-че-го! Опять заболталась. Извините, ради бога... Интересно? Правда? Не каждому интересно выслушивать болтовню попутчика. Изъян века: не можем выслушать друг друга. Вы можете?... Знаете, мне повезло, вы редкий экземпляр, я бы сказала, исчезающий. Что?..

Спасибо, я и впрямь неплохо говорю по-английски. Нет, у меня армянское образование. За последние пару лет выучила. Вынужденно. Что вынудило? Жизнь. Жи-изнь!.. Знаете, жизнь меня все время принуждала. Иногда мне кажется, что так называемая жизнь, как дамоклов меч, висит над моей головой и заставляет поступать то так, то этак. Либо ничего не делать. У вас не было подобного ощущения?.. Нет... Если б мы были друзьями, я бы вам позавидовала. А незнакомому человеку завидовать какой смысл? Через пару часов расстанемся, а потом... Почему не могу вам завидовать?.. Видите ли, зависть, как любовь или ненависть, она нуждается в постоянной подпитке: объект все время должен находиться в твоём поле зрения, чтобы смотреть, вдохновляться и завидовать, любить... ненавидеть. Я не способна завидовать? Или ненавидеть? Я? Вам так кажется?

Послушайте, неужели вы думаете, что женщина, хотя бы одна женщина, лишена способности ненавидеть или завидовать... Мадам, это невозможно, потому что без этих двух составляющих не бывает и третьего. Не бывает любви. Верю ли в любовь?..

(Выглянув в окно.) Не успели выехать из города, а уже и про любовь заговорили. Вполне естественно. А представляете, если бы этот тип сидел сейчас здесь?.. Не то чтобы поговорить, дышать было бы невозможно. Что?.. *(Посерьезнев.)* С чего вы это взяли?.. Нет, я хорошо отношусь к мужчинам, даже лучше, чем они того заслуживают. Что?.. Судя по моим словам, я отношусь к ним с предубеждением?.. Не сказала бы, теоретически я их люблю... Всех любить невозможно. Если за всю жизнь полюбишь хотя бы нескольких – это уже подвиг... Убедились, что я феминистка? Мадам, я не могу быть феминисткой, генетический код нашего народа обладает исключительным противоядием от феминизма... Моя прабабушка до самой смерти ни разу не повысила голоса на своего благоверного... Может, и вообще не говорила... Что она делала?.. Родила двенадцать детей. А моя бабка однажды призналась, что мой дед видел её тело лишь впотьмах, лишь на ощупь. Что он делал? Кто, мой дед?.. Что надо, то и делал... И у бабки было девять детей. Мама – современная женщина, смотрит футбол, говорит о политике и... обмывает мужу ноги. Родила четверых. Вы заметили интересную закономерность: чем меньше женщина говорит и больше слушает мужа, тем она любвеобильнее и плодовитее. Потому что энергию, расходуемую на разговоры об уточнении границ права и равенства, мои

бабки использовали с одной-единственной целью: доказывали свою любовь мужчине, рожая ему детей. Правда, я сама во всем полная противоположность своим бабкам, но феминистки из меня никогда не получится. *(Серьезно.)* А моя прапрабабка и вовсе пятнадцать детей родила. Пятнадцать, двенадцать, девять, четыре... моя очередь. Я не говорю, я болтаю, свои права знаю лучше всякого юриста, самостоятельна, эмансипирована, и если после всего этого я произведу на свет хотя бы одного ребенка, это будет неплохой показатель для нашего рода. Сколько мне лет? Тридцать три. Что?.. Конечно, очень хочу, какая женщина не мечтает иметь ребенка. У вас сколько?.. Хорошо. Двое детей по нашим временам очень даже хорошо. И внук?.. Вот почему вы так терпеливы и добры. Уверена, только внуки выявляют скрытую в каждой женщине доброту. До этого она вся в своих женских играх, думает о том, как бы побольше заполучить, чем отдать. Внуки отрезвляют. Они же проводят жестокую черту... жестокую для женщины. *(В замешательстве: не то сказала.)* Кофе хотите? Не надо звать проводника. Какой у них кофе... Я сама... Прямо здесь... На свете нет ничего невозможного, тем более – для армянки. *(Открывает сумку средних размеров, достает электрическую кофеварку, кофе, сахар, две чашки с блюдечками. Умело принимается за дело, ни на минуту не умолкая.)* Здесь отличные условия для приготовления кофе. А вот когда ни дома, ни во всем городе нет света, газа... Что?.. Вот так вот, нет света... Не можете представить?.. Ну как бы это объяснить... хорошенько зажмурьтесь, так чтобы было совсем темно... Зажмурились?.. И в такой кромешной тьме огромный город, целая страна. И кругом зима, морозы... свечи... на пустынных улицах своры бездомных собак. Нет, я не фильм ужасов пересказываю, я вообще такие фильмы не смотрю... Почему? Они не впечатляют. То, что я на своей шкуре почувствовала, ни фрейдист Хичкок, ни изнеженный Спилберг не способны заснять... А мы в этих условиях жили... да, кофе пили. Иной раз по десять чашек в день, когда... кофе имелся. Мы, армяне, очень находчивый народ, из двух железок придумали такое приспособление, что за пару минут на сухом спирту кипятили кофе. Правда, от этого кофе разило горелым спиртом, но ко всему можно привыкнуть. Мы ко многому научились привыкать, армяне такие. А вот и вам кофе... *(Пьет.)* Вкусно?.. еще бы, кофе – натуральный бразильский, вода – фильтрованная,

спиртом не пахнет... Я рада, что вам понравилось. И Марчелло считал, что я готовлю хороший кофе. Кто Марчелло?.. Мой... Мы жили вместе. *(Пауза.)* Кончите пить – переверните чашку, погадаю. Кто гадалка? Я? Да нет. Просто любая армянка гадают на кофейной гуще. Тоже национальная черта. Пьем кофе и гадаем друг другу. И чем ситуация безысходнее, тем наши пророчества веселее. Что именно?.. Деньги, работу, хорошую весть, застолье... Любовь. В первый раз выпила кофе, мне нагадали любовь. С тех пор, сколько ни пью, все предрекают... Нет, опрокиньте от себя. *(Показывает.)* Положите на блюдечко. Высохнет – погадаю. Когда наша соседка в первый раз увидела у меня в чашке сердце, это сердце уже и так было. В соседнем доме. На два года старше, чем я. Мне было пятнадцать, ему – семнадцать. В первый день весны подарил мне фиалки. Не сам, через мою подругу, у самого не хватало смелости. Ну, я тогда озверела! Подошла и при друзьях как врежу: «Спасибо за фиалки». Растерялся, но взгляд был такой восхищенный. Потом он объяснил, чем был так восхищен: моя смелость окончательно разоружила его. С того дня мы были неразлучны. *(Собирая кофейные принадлежности.)* Почему говорю о нем в прошедшем времени?.. Нет, мы не расстались... не ссорились. Ни разу даже не повздорили. Не могли повздорить, сердце бы не выдержало... Где он сейчас?.. Каждую секунду я знаю, где он... Никакой мистики... Вы ничего не знаете о моей стране, естественно, маленькая страна, у черта на куличках. В нашей стране была война, да-да, в конце двадцатого века на глазах у цивилизованного мира мы захотели быть хозяевами своей страны и своей земли. Всего-то. И он ушел на войну. За день до его ухода мы долго бродили по городу. *(Достает из чемодана наряд, в котором была в тот день, преображается.)* Зашли в парк. Никого не было. Послышалась музыка. Она доносилась из соседнего дома. Он пригласил меня на танец. *(Освещение, сцена соответствуют рассказу. Начинает танцевать.)* Город, живущий войной, улицы и дома, окутанные мраком, мрачные, погруженные в себя люди. И мы – в безлюдном парке, танцующие под чужую музыку. Жизнь состоит из чудес. Больших и маленьких, важных и незначительных. Этот танец был чудом для нас обоих. Я крепко обняла его, он сжал меня в своих объятиях. И я поняла, что должна опираться лишь на его руки, танцевать лишь с ним, укрываться лишь в его объятиях. Я поняла, что Господь дарует женщине эти объятия, единственные

объятия, в которых она может и должна укрыться. Как ни странно, в тот вечер я не думала о войне, я была уверена, что Любовь, наша Любовь, всемогуща. *(Сцена и освещение прежние. Анна медленно принимает свой прежний облик. Пауза.)* В Ереване есть кладбище на холме – называется он Ераблур – там... похоронены только наши погибшие воины. Он тоже там. Любовь иногда доводит до абсурда: после его гибели меня утешала только одна мысль: хоть знаю, где он каждую минуту... Удивлены? Чему удивляться, мне кажется, я была бы очень ревнивой женой, не потому, что не доверяла бы ему... как бы вам объяснить? Понимаете, он был очень умный, честный, добрый и безумно красивый... в него просто невозможно было не влюбиться. Я бы презирала любую женщину, оказавшуюся с ним рядом и не влюбившуюся в моего мужа. Да, презирала бы, а сама умирала бы от ревности. Знаете, на что способна обезумевшая от ревности женщина?.. Знаете?.. Я преклоняюсь перед вами. Я бы все время думала, где он, что делает, с кем? Мне не стыдно признаться вам в своей практически так и не проявившейся слабости. Да, я ревновала бы молча, не задавая ему никаких вопросов. Он бы никогда не догадался, что я схожу с ума от любви к нему. Я была достаточно сильна, чтобы ревновать и не мучить его своей ревностью... *(Другим тоном.)* Позже я ничего подобного не испытывала. И не испытаю. Все, что имела, израсходовала сполна... К тому же, кроме него, никто не был достоин моей ревности... Нет, преувеличиваю, один оказался достоин, но я так и не смогла приревновать... Чашка подсохла?.. *(Заглядывает в чашку.)* Так-так... но в вашей чашке нет никакой гущи... Как же это? Выпили все?... Ну, мадам, вы прямо-таки олицетворение западной бережливости: вот в чем тайна вашего благосостояния. В береж-ли-вос-ти! А мы расточительны, у нас все сверх меры. В те жуткие годы мрака, когда ложка кофе была роскошью, даже тогда армяне не пили кофе до дна. Гуща толстым слоем оседала в наших чашках – какое расточительство!.. Зато, перевернув чашку, можно было хорошенько погадать. Словом, вы наслаждаетесь тем, что имеете, сразу и сполна, а мы откладываем, запасаемся – о будущем думаем. А будущее наше почему-то всегда неопределенное, далекое. Что же до наслаждения... Нам еще надо поучиться у вас умению наслаждаться... Или, как мы говорим, много хлеба с сыром съесть... А! Почему только хлеб и сыр... без копченостей или майонеза... Понимаю. У нас с вами разный

гастрономический менталитет. Вам без кусочка ветчины никак не обойтись, вы за эту ветчину бороться будете, пока не заполучите. А мы и одному хлебу рады будем, о ветчине и не вспомним. Не потому что хлеб и сыр – наше национальное блюдо, причина гораздо глубже... Не устали?... Нет?.. А вы стойкая, какое счастье, что прыщавый кассир дал мне билет именно в это купе... О чем это мы говорим, да, об умении наслаждаться... Хорошая тема, до следующей станции хватит. С чего ж начать?.. *(Недолгая пауза.)* Мне было семь, не то восемь лет, когда умерла Старая дева из нашего дома. Настоящего имени я так и не узнала, взрослые ее так звали, а мы повторяли. Умерла, похоронили, забыли. Кто-то из соседей рассказывал, что врач, обнаруживший при вскрытии, что она и впрямь девственница, созвал весь медперсонал, и они здорово повеселились. Женщины из нашего дома, рассказывая об этом, покатывались со смеху. Я была маленькая, не понимала, о чем речь, и слово «девственность» не понимала. А соседки смеялись именно над этим. И я решила, что это нечто такое, от чего каждый уважающий себя человек должен побыстрее избавиться. Позже я поняла, что это относится лишь к особам женского пола. На наших мужчин это не распространяется, в этом смысле мы европейцы, а вот с женщинами – вопрос тонкий, как и сам Восток, тонкий и многослойный. Если бы он не погиб на войне, то был бы моим первым мужчиной. Но... его нет. Я осталась одна. *(Достает из чемодана черный платок, набрасывает на голову.)* Два года жила в черном. Вам этого не понять. Нет, я не имею в виду, что вы не способны любить, как я, или не способны на жертвы... Сестра моей бабки по материнской линии овдовела в тридцать лет и больше не выходила замуж, до самого конца не снимала траур. Сестра бабки по отцовской линии после смерти жениха не снимала с головы черный платок до последнего своего дня. Вы скажете, опять я про свой генетический код, но не могу же я отказаться от родных бабушек и тетушек, они, правда, неназойливые, но такой уж наказ мне дали – любить и быть верной. Я намного слабее их... Иногда мне кажется, что со временем чувства убывают, мельчают. Сестра моего деда носила траур по жениху всю жизнь, я прожила с черным платком два года. Мало?.. Возможно. Но эти два года я не жила. Потом... он явился однажды мне во сне и сказал, что я свободна. И я послушалась. Знаете, когда женщина подчиняется? Когда ее желание совпадает с тем, что предлагает мужчина.

И трижды умен тот мужчина, который просит или требует только то, что захочет исполнить женщина. Как?.. Трудно понять, когда я серьезна, когда шучу... Отлично, значит, еще не успела наскучить. Поехали дальше. *(Бережно сложив, кладет черный платок в чемодан.)*

Я понемногу отходила. В двадцать лет я потеряла его, в двадцать два попыталась заново начать жить. Знала, что свою любовь я уже прожила. Иллюзий не было. Только прагматизм. Нынче он в большой цене, особенно, когда дело касается чувств... Лучший тому пример – брачный договор. У нас тоже стали поговаривать о том, что брачный договор выгоден: сначала уточняете свои права и обязанности, потом старитесь под одним одеялом. Что?.. при чем тут одеяло? Я мыслю по-армянски и дословно перевожу на английский, поэтому получают курьезы. Нет, одно одеяло – не показатель низкого жизненного уровня. Наоборот, даже в самых малообеспеченных семьях матери дают в приданое дочерям минимум четыре одеяла. Столько же – со стороны жениха, получается восемь. Но, все равно, они должны спать под одним одеялом. Представляете?.. Да, и поэтому тоже мои бабушки были такими любвеобильными и плодовитыми... Так вот сейчас это одеяло вытесняется брачным договором. Но я отвлеклась. Я решила начать новую жизнь, но сама жизнь этому воспротивилась. Война, нет света, холодные зимы, очереди за хлебом... Удивляетесь?.. Однажды была ужасно холодная ночь и, стоя в очереди за хлебом, я думала, какая в других странах сытая, беззаботная жизнь, мужчины там сильные, уверенные в себе, женщины – в дорогих нарядах, надушенные... а у самой от холода одеревенели конечности, напялила на себя кучу теплых бесформенных одежд, вся жалкая, несчастная... Глаза наполнились слезами, но я не заплакала... Почему?.. Заговорил дух противоречия. У меня характер такой строптивый: чем больше на меня давят, тем сильнее сопротивляюсь. Может, поэтому и очередь за хлебом стала поворотной в моей жизни. *(Пауза.)* Познакомилась с одним, про себя называла его Интел. Под этим именем он и остался в моей жизни. Научный работник, холостой и лысый. Что-то в нем было милое, интеллигентное. Имею в виду русскую интеллигенцию девятнадцатого века... Вот именно, героев Тургенева, Чехова... Мы занимали друг другу очередь, я приносила чай в бутылке, он – интересные книги из своей библиотеки.

Однажды попытался отогреть мои окоченевшие ладони. Конечно же, ничего не вышло: у самого руки как ледышки, да и весь из себя доходяга. Но от него исходила человеческая теплота – в такую зимнюю стужу, в очереди за хлебом. И я стала оттаивать. Я оттаивала, а страна моя замерзала. Чем больше я оттаивала, тем сильнее крепчал мороз. Позднее политические деятели окрестили это время периодом энергетического кризиса. Ах, если бы не хватало только энергии! Кончилась человеческая энергия: одни покидали страну, другие пытались выжить. Но встречались и упрямы. И одна из них – моя подруга детства. Бывало, среди ночи давали свет, всего-то на два часа, так она затевала стирку, глажку, и обед успевала приготовить, и помыться-нафениться, а потом засыпала, чуть не сидя, чтобы утром явиться на работу при параде. Смеетесь... И мы смеялись. Когда кризис миновал, без слез не могли вспомнить... Вам тоже не по себе? Ладно, тогда расскажу одну курьезную историю.

В очереди за хлебом мы все сближаемся, лучше узнаем друг друга. Я как-то заметила, что пуговица на его пальто пришита. После месячного отсутствия. В жизни холостого мужчины пуговица очень важный фактор. Особенно если пришита нитками не того цвета. Серая пуговица была пришита к черному пальто темно-синими нитками. И этот синий стал сигналом – Интел настроен решительно. Замужество?.. В те дни для меня, по крайней мере, замужество было равносильно помешательству, я жила одним днем, не помышляя о завтрашнем. Когда я укладывалась спать в пальто и перчатках, то не сомневалась, что никогда уже не потеплеет, что больше никогда не отогреюсь. Предстану перед Всевышним окоченевшей. Ничто так не унижает женщину, как ежедневное лишение душа и прозрачной ночнушки. Ну, короче, в той же очереди за хлебом он сказал, что хотел бы встретиться в более нормальной обстановке, но поскольку мать у него больна, предложил зайти в гости к его другу. Я приготовилась... Надела... *(Пауза.)* Вот это особый разговор. Дело было в феврале – самый холодный и отвратительный месяц в Ереване. А мне идти на свидание. С мужчиной. В пустой квартире. С чего я взяла?.. У нас, если приглашают к другу на квартиру, значит, дело может принять неожиданный оборот. Потому что Интел, погрязший в комплексах холостяка, мог бы предложить не только кофе. *(Выразительный жест.)* Но я оделась в соответствии с условиями военного времени. *(Открывает*

огромный чемодан и, комментируя, по очереди натягивает на себя одну одежду за другой.) Сначала я напялила на себя шерстяные колготки. Потом – гамаши, это – нечто новое в нашем гардеробе, под девизом «чем теплее, тем уродливее». И конечно, сапоги. Не забывайте, на улице морозы минус тридцать, а подцепить воспаление легких мне хотелось не больше, чем предстать в таком виде перед мужчиной. И я надела сперва эту тонкую водолазку, потом – потолще... сверху жакет из мохера, а потом – пальто. Поверх – шерстяной шарф... шапку... перчатки не забыть бы... И перед вами армянка, собравшаяся на свидание в начале девяностых годов двадцатого века, во всем своем блеске! Я понимала, что вид у меня не ахти какой сексуальный, но если в помещении я сбросила бы с себя хоть половину обмундирования, избавившись, как я это называю, от «эффекта капусты» (*показывает «наряд»*), все еще было бы поправимо.

Но... когда мы вошли, я поняла, что нас ждет серьезное испытание: в квартире было холоднее, чем на улице. Мало того, что окна все обледенели, из щелей дул ветер попеременно со снегом, еще и света не было. Более интимную обстановку не в силах вообразить. Даже пальто снять страшно, для такого героического шага требуется особое мужество, ни тебе приготовить кофе, ни посидеть-поболтать, примерзнем – до самой весны не оттаем. Смотрим друг на друга, а в глазах у обоих – отчаяние, и больше ничего... Он оказался дальновиднее меня – прихватил с собой бутылку водки. Выпили. Прямо из горла. Когда прикончили всю бутылку, Интел перешел к активным действиям – попробовал расстегнуть пуговицы на моем пальто. И тут выяснились существенное значение пуговицы. Если мужчина не в состоянии расстегнуть твои пуговицы, а пальцы у него трясутся, не важно, от волнения или холода, в тебе пробуждается только одно желание – смеяться. И если можешь подавить смех, будь благодарна матери, которая привила тебе правила хорошего тона. Мадам, в те минуты я поняла, насколько же я воспитанна. Настолько, что пришла ему на помощь: стоя напротив друг друга, мы пытались окоченевшими пальцами расстегнуть пуговицы... Пуговица оказалась меньшей из зол. Когда мы перешли к свитерам, моя благовоспитанность улетучилась. У него было на два свитера больше: у меня – три, у него – пять. Смех-то подавила, а вот улыбку скрыть не смогла. Слава богу, он воспринял ее как знак поощрения и повел меня к дивану.

Мадам, вы представляете, что значит лежать на обледенелом диване в насквозь промерзшей комнате? А я легла. Принявшее горизонтальное положение тело не способно было на какие-либо ощущения. Лежу и жду. Но в таких условиях можно лежать до начала конца света либо до появления мессии. И скорее наступит конец света или мессия спасет мир, чем обледеневший мужчина погубит либо спасет тебя... Я героически выдержала десять минут. Десять минут на этом диване равны трем месяцам на айсберге в Арктике... На одиннадцатой минуте я столкнула его с себя и с молниеносной быстротой принялась натягивать на себя свитера, не разбирая даже, мои или его. Потом выяснилось, что один был его. Одеваюсь, лязгая зубами, и вдруг... слышу странный звук. Оборачиваюсь: он закрыл лицо руками и плачет. Плачущий мужчина ужасен. Да еще в постели... Не знаю, наверное этому ужасу и слово не придумано. Я обняла его, и мы заплакали вдвоем, не стесняясь друг друга, над нашими несчастными судьбами. Наплакались всласть, даже отогрелись. Так отогрелись, что я смогла натянуть на него свитера, наглухо застегнуть пальто, хорошенько обмотала ему шею своим шарфом... Больше мы не виделись.

Возвращаясь по обледенелым улицам домой, я спрашивала себя, почему так, зачем я пошла на это свидание, как смогла?.. Говорите, женская слабость?.. Мадам, если бы вы имели хоть малейшее представление об армянах и армянском обществе, вы бы такого не сказали... Какая слабость... Вы бы видели, какие тяжеленные сумки тащит армянская женщина с рынка... Или попробуйте одна содержать семью, когда муж годами на чужбине, как мы это называем, «зарабатывает на хлеб». Иногда думаю, что это за огромный «кусочек хлеба», ради которого мучаются наши мужчины на чужбине? Ваш муж тоже?.. где, в Африке?.. Господи, и что он там делает?.. Ах, нефть!.. И сколько он зарабатывает?.. Сколько?.. В год?!. Послушайте, да если все мужчины нашего двора десять лет будут горбатиться на чужбине, вместе они столько не заработают. Даже ваш эмигрантский труд вызывает уважение... Нет, не завидую, я уже говорила, почему... Не то бы от имени женщин нашего двора позавидовала бы эмигрантской работе вашего мужа... Только не подумайте, что в нашей стране все мужчины никчемные и немощные. Ну что вы! Такие мужики попадаются – у них размах международного масштаба, а деньги...

(Выразительный жест.) Есть и бизнесмены средней руки, шефы всевозможных офисов. А в офисах у них – евроремонт, мебель из Дубая, интерьер... то есть девочки особой категории, они словно на одном станке выточены – длинноногие, с оголенными пупками, самоуверенные. От их гонора забываешь о собственной самоуверенности. Откуда знаю?.. Сама в офисе работала. Нет, всего лишь бухгалтером. Я по специальности бухгалтер-экономист. В офисе только двое и работали: я вела бухгалтерию, да уборщица наводила порядок. Остальные сновали без толку туда-сюда, попивали кофе, да слушали рабис. Что такое рабис?.. Это такая музыка... Как бы вам объяснить? Боюсь, для такого объяснения мой английский еще не созрел... Представьте: хлеб, намазанный медом и икрой, а сверху – ломтик ананаса, лук, бекон, майонез, и все это залито густым карамельным соусом. Представили? Да, я поняла по выражению вашего лица... А теперь представьте этот рабис с утра до вечера на фоне самоуверенных девиц... Трудно выдержать?.. А я выдержала. Проработала три года, каждое утро в девять являлась на работу, а в семь вечера шла домой. У меня была маленькая комнатка, подальше от глаз, но не от рабиса. Идеальные условия для одинокого человека. Я была одинока, более одинокой трудно представить... Нет, в моей жизни никого не было. Раз в месяц я ходила на Ераблур... Мне уже стукнуло двадцать восемь и над моим будущим подобно знамени маячил призрак Старой девы из нашего дома. И самое ужасное, что ничего нельзя было поделаться, я имею в виду свою детскую клятву... да-да, насчет того, чтобы избавиться от этой злополучной девственности... А как было избавляться, если с утра до вечера, запершись в комнате, считала цифры, а после ухаживала за больной матерью. Не знаю, как бы долго все это длилось, если бы в офисе не справили мое двадцати восьмилетие. Я как следует принарядилась, теперь-то понимаю, какая это была безвкусица. *(Достает из чемодана этот наряд и переодевается.)* Вот он – так называемый комплекс последнего шанса. Вообще-то я одеваюсь в меру строго, но в тот день... Бывает, что в тебя словно дьявол вселяется. А твоя бдительность тем временем впадает в летаргический сон. Знаете, что это значит? Ты становишься опасна, и в первую очередь для себя самой. Шеф сначала сказал, что посидит полчаса и уйдет, но... досидел до конца. Чувствую, я его заинтриговала. Ну, а я, скорее, из женской мести: «Ах, три года работаю у вас под носом, а

вы меня только разглядели?..». Не скрою, кокетничала, но совсем немного. Ну, хорошо, чуть больше, чем «немного»... Отпраздновали, как положено. Это я думала, что отпраздновали – и закончили. Оказывается, для шефа все только начиналось... Он стал за мной приударивать. Человек он был деловой и на сантименты времени не тратил. Один раз подарил цветы, дважды подвозил домой, а потом пригласил съездить за город. Вернее – на объект... Объект?.. Нет, не в смысле философской категории... Наш объект – это как у вас публичный дом... нелегальный. Нет, ошибаетесь, не отказала... Почему? Непонятно, почему? Ведь призрак старой девы кого угодно выведет из колеи. Словом, я села в его машину. По дороге вспоминаю тот февральский день и думаю: поздняя осень, похолодало, еще одну холодную комнату, а тем более холодный диван не выдержу... Я забыла, что в стране стало получше, даже кое-какой экономический рост наметился. В экономический рост я сразу же поверила, как только увидела этот объект. Шикарно обставленный номер, вода – холодная, горячая, сервировка – изысканная, а еда... *(Выразительный жест.)* Да, несомненно, что рост благосостояния страны происходит именно в этих заведениях. А кровать... ну, просто станок для телесных удовольствий. Стою я посреди этой аляповатой роскоши, шеф делает заказ лебезящему официанту и заодно поглаживает мою руку... Стою... и мерзну. Чувствую: в комнате метель поднимается. Зажмурилась, открываю глаза: никакой метели... Все равно мерзну. И так хочу услышать ту музыку, что звучала в безлюдном парке. Рухнула я на пол и реву, душа надрывается, косметика размазалась по лицу, от плача уже задыхаюсь. А потом как начала икать... Шеф очумел, уставился на меня, пытаюсь понять, психованная я, что ли?... А я реву и ору: возьми меня, вот тебе я, мне уже ничего не нужно, и я... никому не нужна. Пусть тебе достанусь, самодовольный петух, ты же всех своих самодовольных курочек перетоптал в своем курятнике. Так что тебе стоит разок осчастливить старую деву?.. И срываю с себя одежду, и все так мерзко, и я сама себе противна, и весь мир гадов, и моя женская доля никчемная... Носком ботинка шеф швырнул мне платье, сказал: «Одевайся, и чтоб через пять минут привела себя в порядок и была в машине». Я уже через четыре минуты сидела в машине. До самого города ехали молча. Возле нашего дома он просто приказал, чтобы завтра же подала заявление и убиралась. *(Переодевается в деловой костюм.)*

В ту ночь я поняла, что дальше так продолжаться не может. Надо было менять жизнь – на сто восемьдесят градусов. Стала посещать курсы английского, научилась работать на компьютере, устроилась по конкурсу на итальянское предприятие. Там и встретила Марчелло. Поначалу у нас были деловые отношения, потом постепенно стали меняться... *(Выразительный жест.)* Он пригласил меня на ланч, потом на ужин в ресторан. Проводя до дома, у дверей поцеловал, прямо как в ваших фильмах. Не знала, верить-не верить, как во сне. Сотрудники заметили, делали намеки, многозначительно улыбались... А я, как затравленный кролик, притаилась и жду... Но в то же время подстегиваю себя: за последние десять лет такой подходящий вариант подвернулся. Мне надо разорвать этот круг одиночества, быть готовой к любому повороту событий. Наконец, я созрела настолько, что сказала самой себе: будь, что будет, лишь бы было. Как – что?.. Мадам, я приближалась к тридцати робкими шагами пугливой девственницы. Призрак старой девы уже победно кружил над моей головой. Откуда мне было знать, что ждет меня завтра?.. Вдруг какой-нибудь подонок наехал бы на меня, труп мой вскрыли бы и врач бы обнаружил... Да от его смеха я бы вторично окачурилась... Поэтому, встречаясь с Марчелло, я была самым примерным пешеходом города, переходила только на зеленый и только в положенном месте... А знаете, каких моральных мук стоит армянину такое законопослушание? Почему-почему! Законопослушный гражданин – это нонсенс для нашего национального менталитета.

Короче, я берегла себя как зеницу ока... сами знаете, почему. И этот день настал. Он пригласил меня к себе на ужин при свечах. *(Сцена меняется. Она переодевается.)* Красивая, со вкусом обставленная квартира, на столе – серебряная посуда, свечи, шампанское... И главное, в комнате теплым-тепло, диваны мягкие-премягкие, и сам Марчелло – заботливый, галантный, трепетный итальянец. Тогда я еще не знала итальянского. Говорили по-английски, я – с армянским, он – с итальянским акцентом. Так, разговоривая, очутились в спальне. Он нежно расстегнул пуговицы на моей блузке. У меня аж голова закружилась... *(Выразительный жест. Пауза.)* А потом он как обезумел, стал биться об стены, обнимать меня, целовать, кружился юлой, что-то кричал по-итальянски, снова обнимал... Наконец обессилел, упал на постель и стал понемногу припоминать

английский. Представьте мое состояние: мой первый мужчина, еще толком не полюбив меня, бьется об стены, да еще воркует по-итальянски, которого я вообще не понимаю... Вы бы что подумали?.. Вот и я ничего не подумала, только хотела схватить одежду и бежать без оглядки. Когда Марчелло пришел в себя настолько, что смог говорить по-английски, все прояснилось. Его чуть не хватил удар. То есть как – почему? Моя девственность чуть не лишила его рассудка, разве мог он представить, что молодая, красивая, умная женщина до тридцати лет не знала мужчины? Позже, когда он заснул, я высвободилась из его объятий, заперлась в ванной и заревела. Почему?.. Не можете угадать? Он очень славный, мой Марчелло, мой первый мужчина, мой итальянский мужчина... Но я никогда не думала, какое это счастье, когда тебе шепчут слова любви на твоём родном языке. Я не националистка, скорее даже космополитка, но, черт побери, мой первый мужчина должен был быть армянином...

Через год он вернулся в Рим и сразу же вызвал меня. И вот я в Риме. Прямо из аэропорта Марчелло повез меня знакомить с матерью. Тут начинается новая история. Выдержите еще одну?.. Вы так внимательно слушаете, что я уже не могу остановиться. Горло пересохло. Я сейчас, минуточку... *(Быстро уходит, возвращается со стаканом воды.)* Если бы вы попробовали наш джермук... Это наша минеральная вода, каждый раз, когда пью воду, вспоминаю наш джермук. Классическое проявление ностальгии, ничего не поделаешь. Извините, опять отвлеклась. Итак, Марчелло представил меня своей маме. Мама... вообразите совместное производство фирм Коко Шанель, Версаче, Армани, Нина Риччи, Кензо в одном... в данном случае – в одной женщине. Вообразили?.. А теперь вообразите меня: скромно одетую, благоухающую французским парфюмом гонконгского разлива, с сумкой из искусственной крокодильей кожи с огромными металлическими бляхами. *(Достает из чемодана эту сумку, перебрасывает через плечо.)* Стоим друг перед другом, смотрим в глаза одна другой и обе понимаем, что война объявлена. Как может богатая, своенравная итальянка с аристократическими амбициями принять в свою семью неведомо откуда взявшуюся бомжиху. Она с первого же раза нанесла мне удар, нанесла удар по моему самолюбию. *(Изображая.)* «Какое сокровище нашел ты в этой бедной стране, Марчелло. Надо только приодеть ее. А сумку я ей сама дам, из своих». И

мило улыбается, до самых ушей. Я тоже улыбнулась: «Вы очень добры, но я не привыкла пользоваться чужими вещами». *(Кладет сумку в чемодан.)* Так со счетом ноль:ноль завершилась наша первая встреча и началась жизнь, состоящая из ада и рая. Дом Марчелло был раем, дом матери – адом. Знаете, что такое мать-итальянка для жены своего сына? Помесь дорожного патруля, служителя похоронного бюро, генпрокурора и пожизненного палача, у которой единственная цель жизни – отравлять существование невестки. До встречи с ней я думала, что только наши мамы держат своих любимых чад в ежовых рукавицах. Далеко за примерами ходить не надо – моя мать. Война между нею и ее двумя невестками – это классический пример перманентных боевых действий. Но матушка Марчелло одна могла смять в кулак всех несчастных свекровей нашего двора и упрятать их в карман своего фирменного жакета от Шанель. Я же была совсем одна против этой... этой фурии. Вы представляете мое положение?.. Спасибо. Всегда приятно выслушивать соболезнования, особенно запоздалые. Что его мать задалась целью выжить меня, было яснее ясного, но и я была настроена решительно. По ночам Марчелло принадлежал мне, днем же разрывался между мной и матерью, смотря по тому, на чьей территории находился. Что только она ни делала, чтобы разлучить нас, хотя бы на час. Но Марчелло был не только покорным сыном, но и страстным любовником... Видя, что ничего не действует... Вот сейчас я вам расскажу такое...

Значит, не прошло и полгода, со мной стало твориться что-то непонятное. То вдруг накатит слабость, и я, тупо уставившись в потолок, часами валяюсь в постели. То вдруг столь же неожиданно прихожу в себя, становлюсь прежней Анной. И так продолжалось несколько недель подряд. Как-то я опять валяюсь в постели, душа разрывается от безысходности... и вдруг как заплачу! Слезы льются ручьями... Вижу, горничная Стефания странно, с жалостью смотрит на меня... Видимо, пожалела меня, села рядышком и тихонько сказала... Можете угадать, что она сказала? Не напрягайтесь, все равно не угадаете. Она сказала, что меня сглазили. Ну да! Как же я сразу не догадалась, что эта фурия, этот ходячий образчик новейших достижений косметики, навела на меня порчу. Вот вам и светлая, цивилизованная Европа, колыбель человеческой культуры – Сенека, Колизей, Ромул, Микеланджело, Сикстинская мадонна, Верди и... порча! Ну, ладно, про

козни выяснили, как мне теперь быть? Она-то на своей земле, у себя дома, и порчу ее соотечественницы наводят. А я чужая, которую ни за что не признает эта накрашенная ведьма. Весь день думала и... придумала. Позвонила в Ереван, попросила маму несколько раз помолиться за меня от сглаза и порчи, заодно и «Отче наш» прочитать, да с такой силой и верой, чтобы на расстоянии извела итальянскую порчу. Смешно?.. Но вы не знаете мою маму. Ну да, помогло, еще как!.. Уже через полчаса я так и крутилась по дому, стряпала-пекла, а когда Марчелло вернулся, вместо обеда отвела его в спальню и так полюбила, что он даже от еды отказался... до самого утра. Но через пару дней я снова сникла. Позвонила матери, та в Ереване принялась за молитвенный сеанс, а я в Риме уже через полчаса была здоровенькая. Мадам, не усмехайтесь, я это на своей шкуре испробовала! Я готова объявить на весь мир, что молитва армянской матери может разогнать любую порчу, наведенную матерями с дурным глазом хоть всего света. Как рукой снимает!.. Ах, чем завершился сей эзотерический поединок?.. Да ничем. Наши матери сыграли вничью. В проигрыше оказались мы с Марчелло. Как – как! А так – мы расстались. В один прекрасный день я почувствовала, что устала. Мы с фурией воевали за Марчелло, но забыли, что он же живой человек. В нашей перманентной войне с попеременным успехом он стал объектом, подлежащим окончательному захвату. Проблема была в том, кому бы это удалось. Мать бы ни за что не уступила. А я не могла вести нечестную игру... А еще я устала от роли бедной родственницы в чужом богатом доме. В Армении я жила плохо, но работала. А здесь что бы я могла, диплом мой никому не был нужен, языка я не знала, да и Марчелло был против, чтобы я работала. Еще армянских мужчин называют азиатами... Я решила, что должна вернуться. Да, возвращаюсь! Расстались мирно, можно сказать, любовно. С Марчелло я бы прожила счастливую жизнь... Что вы сказали?.. Да-да, состарилась бы с ним под одним одеялом... Для этого требовалась самая малость: я должна была принадлежать к его миру, во всех смыслах. Иногда неписанные законы бывают намного сильнее. Когда простились, я думала, обрыдаюсь. Но прошло уже больше часа, и, как видите, ничего, слава богу... Только болтаю. Болтать – не плакать... *(Неожиданно укрывает голову руками, потом встает, пытается приладить коробку из-под шляпы на крючок. По вздрагивающим*

плечам видно, что плачет. Когда оборачивается, лицо спокойно, только краска размазана под глазами. Бережно кладет коробку на колени, говорит и одновременно поглаживает лоснящиеся бока коробки.) Однажды в магазине я увидела платье. Бывает, знаете, такое, посмотришь на вещь и сразу понимаешь – твоя она. Не раздумывая, купила. Втайне от Марчелло. Единственный раз что-то от него скрыла. Почему?.. Думала, когда-нибудь оно пригодится, и я предстану в нем перед Марчелло... *(Открывает коробку, оттуда водопадом вытекает белое свадебное платье. Анна берет платье за плечи и, отставив от себя, разглядывает...)* Хорошее, правда. Мне пойдет... Пошло бы... Он так и не увидел. *(Бережно, медленно укладывает платье в коробку, но не закрывает крышкой.)* Куда дену?.. В моей ереванской комнате есть ореховый шкаф, доставшийся в наследство от бабушки. Запрячу в самый дальний угол... Раз в год буду вывешивать, чтобы проветрилось... Или буду сдавать на прокат, со скидкой... Куда бы ни дела, лишь одного точно не сделаю – никогда не надену. Видите ли, есть категория женщин, которым не выпадает счастье облачиться в эту белую, сентиментальную нелепость. *(Пауза.)*

Вы точно сказали: пути Господни неисповедимы... Я бы сказала, пути женские неисповедимы. Мне тридцать три года, с моего первого поцелуя до сегодняшнего дня прошло восемнадцать лет. Что я пережила, как жила... вы немного знаете... Как?.. Вы думаете, я все вам рассказала? Мадам, неужели вы встречали женщину, которая хоть кому-то рассказала бы всю свою жизнь, пусть даже случайному попутчику?.. Не знаю, почему с вами разоткровенничалась... Может, чтобы не заплакать? Вообще, стараюсь избегать слез, они превращаются в морщины... *(Выглядывает в окно.)* Скоро расстанемся... Теперь слово «Армения» будет напоминать вам не только танец с саблями, но и болтливую армянку с ее бабками-прабабками и тетушками... Я уверена: даже если ты прагматичная женщина двадцать первого века, то все равно твой тыл обеспечивают они – эти бабушки-тетушки, любящие, прощающие, способные на самопожертвование, сильные и хрупкие женщины. Моя маленькая страна выжила, выстояла благодаря не только их человеческой силе, но и женской слабости. Благодаря им и я не только выстою, но и найду свое счастье. Если и не найду, у меня есть унаследованная от них надежда. И наконец, не надо забывать о показателях нашего рода: пятнадцать, двенадцать, девять,

четыре... и я. Как?.. Конечно, все будет хорошо. Только я могу так уверенно произнести эти слова... Я, которая любила, потеряла любовь, и сейчас пусто на душе. Но во мне жив еще дух противостояния, так что мы еще дадим жару... *(Выглядывая наружу.)* Подъезжаем. Знаете, не хочу говорить, прощайте... после нескольких часов, проведенных вместе. *(Поочередно открывает свои чемоданы.)* Лучше на прощание поведаю вам одну из сокровенных тайн моей жизни: женщина побеждает мужчину, когда любит его... Даже если изначально обречена на поражение...

Сверху спускаются веревки с крючками на концах. Анна достает из чемоданов и развешивает на них наряды, в которые облачалась во время монолога, последнее – свадебное платье. Наряды, развеваясь, поднимаются вверх. Под ними сидит Анна.

Перевод Розы ЕГИАЗАРЯН